

A woman's profile is shown in silhouette, looking out over a vast landscape. The background features a large body of water, a distant mountain range, and a cloudy sky. The woman's hair is blonde and slightly tousled. The overall mood is contemplative and serene.

16+

Медведева Ирина
Непридуманная жизнь

Ты сильнее, чем ты
думаешь...

Ирина Медведева

Непридуманная жизнь

«Автор»

2019

Медведева И. В.

Непридуманная жизнь / И. В. Медведева — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-09120-7

Сколько раз, сколько раз я так садилась и начинала писать не просто книгу, а честную историю своей жизни. Мне всегда казалось, что моя история похожа на сотни, а может, даже тысячи потерянных страниц из книг, собранных в одну мою. Жить нужно так, чтобы после тебя что-нибудь осталось.

Именно такой вывод я сделала, когда начала терять своих близких, родных и любимых... Смысл этой книги прост: я хочу, чтобы те, кто отчаялся, нашли в себе силы продолжить движение только вперед.

ISBN 978-5-532-09120-7

© Медведева И. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Детство	6
Глава 2. Родители	10
Глава 3. Наперекосяк	13
Глава 4. Новая жизнь	15
Глава 5. Сумасшедший год	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ирина Медведева

Непридуманная жизнь

Глава 1. Детство

Если бы была возможность, я бы вернулась туда с удовольствием. Нет вопросов, почему и зачем, так или иначе, поступают люди. Не интересуется особо чье-то отношение и вообще всё то, что в голове у людей. Интересует только то, что видишь своими глазами.

У нас была большая семья, для меня казалось самая лучшая. Любимая мама, которая каждый день готовила самую вкусную еду, а торты? Какие она готовила торты! Я больше никогда в жизни такие не пробовала. Она была очень красивая, высокая, стройная, светлые волнистые волосы и серо-голубые глаза, которые меняли свой цвет в зависимости от настроения. Когда мама злилась, её цвет глаз становился, как дым зимой, такой темный и холодный, а когда она была доброй, что чаще всего бывало, глаза были небесно-голубого цвета и улыбка, словно солнышко.

Нас строго воспитывали, и мы действительно боялись родителей. Мама приучала к порядку с самого детства. Мы мыли полы на десять раз, до того момента, пока не будет разводов и не будет вымыт плинтус. На то время, это не был линолеум, пол был из листов ДСП, покрашенного в оранжевый цвет. Зимой, каждую субботу ковры выносились на улицу, обсыпались снегом и подметались начисто. Я не любила субботу из-за уборки, с тумбочек и шкафов вытряхивалось всё содержимое и мы со старшей сестрой Катюшей, могли по десять раз складывать всё обратно, пока мама не скажет, что ей нравится. Зато потом, когда вечером лежишь в чистой, уютной и пропитанной свежим запахом комнате, так сладко засыпаешь после бани на чистой кровати. А ещё, будучи во взрослом возрасте, так часто вспоминаю маму со словами благодарности, именно за эти моменты воспитания.

С уроками у нас было всё, то же самое. Сначала уроки делались в черновике, потом отдавались на проверку маме. Если всё правильно, задания переписывались в рабочую тетрадь и снова отдавались на проверку. Из-за любой пометки, задания переписывались в новую заведенную тетрадь, вместе со всеми классными работами. Строго, но справедливо. Мы ведь думали, чем быстрее сделаем уроки, тем быстрее пойдем играть или гулять, торопились и за это и получали своё наказание.

Мама нас не ругала, она рассказывала вечером папе после работы. Если у него не было настроения, он мог нас выдрать ремнем, да и много зависело от того, что мы могли вытворить. Особо конечно не пакостили, знали, чем это всё черева-то. Чаще всего нас ругали за шум и за ябедничество. Нам нельзя было жаловаться друг на друга, ибо после этого, мы стояли по разным углам без выяснения обстоятельств. Папа никогда не вдавался в подробности, кто прав, кто виноват, получали обе и одинаково. Была ещё одна супер фишка, ворчать в углу! Это так смешно сейчас вспоминать. Помню, стоим, переглядываемся с сестрой и под нос бурчим – «Больше никогда кушать не сядем», сестра отвечает: «Нет, никогда не сядем, и разговаривать с ними не будем», я – «Нет, не будем». Все эти переговоры заканчивались на том, что нам влетало по новой, за забастовку и ворчание. Сейчас конечно и правда смешно вспомнить, но тогда было обидно. После угла, мы сидели и рассматривали свои синяки от ремня, а ещё, жалели друг друга....

Да, не смотря на небольшие разногласия с сестрой, росли мы довольно дружно, нас этому приучали родители и за это им отдельная благодарность. Нам не нужны были друзья, потому что мы были настолько близки, что сложно эти чувства передать словами. Мы боялись друг за друга, сопереживали и самое главное, понимали, разные внешне, но такие похожие душой.

Катюшка была выше меня на пол головы, всегда, даже когда выросли, рост у нас остался одинаковый. Катюшка была высокой, стройной брюнеткой с карими глазами и смуглой кожей. Она была добрая, такая добрая, как рассказывают про ангелов. Я же была её противополож-

ностью. Да, я уважала старших это неотъемлемая часть воспитания, была у нас одинаковая, но Катя была очень светлым человеком в своих мыслях и действиях. Она не умела ругаться и стоять за себя, даже мне иногда приходилось в школьные времена делать это за неё в старших классах. Я же была мелкой забиякой. Маленькая ростом, худенькая с совершенно не понятным до сих пор цветом глаз. Они бывают зеленые, бывают серо-зелено-синие, бывают с каре-зеленой радужкой. Никто не может назвать истинный цвет моих глаз, даже я сама. Нет, не то, что бы я без повода ходила и задирала всех, нет. Я могла сказать слово против, если считала, что кто-то не прав. Годы прошли, а я такой и осталась. Я не люблю несправедливость. Не люблю ложь. Не люблю, когда обижают слабых. Не люблю людей, которые считают себя всевышними, а других людей либо мусором, либо рабами. Совсем мало – это просто не любить. Я пытаюсь бороться с этим, по сей день, но об этом немного позже. Вернемся к истории.

Помню, когда нас отправили в разные лагеря на лето, это было так тяжело. Я плакала и скучала, хотела, что бы этот сезон скорее закончился. Родители часто приезжали ко мне, ведь мне было всего шесть лет. Мама забирала мою одежду и ругала за беспорядок в тумбочке, а потом мы ездили на берег реки, гуляли босиком по камням, и мне так здорово было находиться рядом с родителями и чувствовать себя счастливым и нужным ребенком. Когда было закрытие сезона, на него приехала Катя с родителями. Моей радости не было предела, мы приехали домой, до утра не могли наговориться, рассказывая друг другу самые интересные истории из лагеря, а самое приятное, что она привезла мне оттуда маленькие игрушки и сладости, которые не продавались в нашем городе на то время. Ещё она заплакала, когда рассказывала о том, что это не все игрушки, которые она хотела привезти. Девочка по имени Рита, украла их у неё, она так рассказывала, что я сама готова была разреветься. Конечно не из-за того, что какая-то там Рита, украла игрушки, которые предназначались мне, как подарок, нет. «Игрушки для моей сестренки, украли». Столько боли было для неё в этих словах. Я всегда знала, что она больше всех меня любила, но описывая сейчас эти все моменты, я понимаю это гораздо глубже.

С Катюшей у нас была разница год и девять месяцев, она была старшей сестрой, которая была моим личным воспитателем, учителем и другом в одном лице. После того, как Катюша пошла в первый класс, я тоже хотела ходить в школу вместе с ней, и в шесть лет я уже читала, писала и считала, благодаря ней. Благодаря моей Катюше.

Я помню этот день, словно он был вчера. Первое сентября, мы стоим в бантах, с цветами и напутственные слова моей сестры:

- Зайдешь в класс, сядешь, дождешься, когда зайдет учительница и встанешь.
- Зачем?
- Это правило этикета. Так дети приветствуют учителя.
- Хорошо.

Я была вдохновлена её словами, они будто придали мне уверенности в этот нелегкий день. Пишу сейчас, а у самой ком в горле, проглотить не могу.

Когда зашла учительница, все ребята продолжили сидеть на своих местах, а я встала, и такая гордость была за совет сестры, что какая она молодец, что сказала мне, как правильно нужно сделать. Конечно, учительница похвалила меня, но эта похвала была мысленно адресована моей сестренке.

Я хорошо училась, потому что с уроками мне помогала Катя, хоть мама и ругала её за это. Мне было проще принимать от неё информацию, потому что она умела объяснять на понятном мне языке. В школу мы ходили в одно время, но я помню, как однажды я заблудилась, возвращаясь со школы. Это был мой первый поход в одиночку. Зная домашний адрес, я подходила к прохожим и спрашивала, где находится мой дом, называя улицу, на которой жила, но никто не знал, где эта улица находится. Наверное, я была смелой девочкой, потому что не пустилась в истерику, а продолжила самостоятельные поиски. Колесо обозрения в парке указало мне верную дорогу. Я знала, что оно находится в парке, а там где-то совсем неподалеку

находится мой дом. Подходя к дому, я увидела папу возле ограды и вот тогда я расплакалась. Случилось позднее осознание того, что я могла бы не так скоро вернуться домой и вспомнив истории, которыми нас пугали родители для того что бы гуляя мы не уходили далеко от дома, мне стало по настоящему за себя страшно.

В 2001 году после наводнения в городе, нас отправили с Катей на всё лето в лагерь, вообще, всех детей из города отправили, пока был введен режим ЧС. Лагерь находился в соседнем городе, но находится там было то еще удовольствие. Нас разделили с сестрой по разным отрядам, но мы всё равно практически всегда находились вместе. Ходили на мероприятия, гуляли, играли, в библиотеке часто сидели и, конечно же, в столовой. Нас разъединял сон. Дневной и ночной.

Этот день из лагеря, я запомню на всю жизнь. Я тогда находилась в своём корпусе, прибежали девочки с криками, что Катю убило качелей! Вот что может чувствовать ребенок в этот момент? Я спрашивала что случилось? И где Катя? Мне сказали, что она в своем корпусе, и я побежала туда. Открыв дверь в Катину комнату, я увидела толпу народа и начала реветь. Катя лежала на кровати, голова её была перевязана, а из бинта сочилась кровь. Я села на край её кровати и смотрела в её глубокие карие глаза, которые были полные сострадания за моё к ней переживание, ведь она всегда знала, что, как старшая сестра несет за меня ответственность, и эта связь между нами...

Катя тихим голосом, начала меня успокаивать, что всё хорошо и ничего страшного не произошло. После воспитатель отправила меня к себе, сказав, что Кате нужен отдых. В отряд я возвращалась с комом в горле, вытирая слезы. Как я тогда испугалась за неё, я просто не представляла свою жизнь без неё и мысль о том, что вдруг что-нибудь случится, не жила в моей голове, потому что я знала, что она никогда меня не оставит. На следующий день Катя мне рассказала, что произошло с ней. Она прыгала по баллонам из резины автомобиля, а мальчик рядом качался на качели, которая была с железным сидением. Он раскачался так сильно, а колеса находились слишком близко. Она не заметила его, и он задел её голову углом... Бедная моя, думала я.

– Врач сказала, что если бы один сантиметр ниже, то удар был бы в висок, а если выше, то в глаз.

Рассказывала по дороге Катя, когда мы шли на перевязку. Я обняла её и поцеловала. У неё всегда были такие нежные щёки, как у маленького ребенка.

На конец первого сезона, мои ноги выросли, и пальцы из туфлей стали проситься наружу. Как я не любила дождь, кто бы знал. Моя одежда нечаянным образом пропала. Пропала, не в смысле её кто-то украл, а пропала, значит протухла. Я постирала её в душе и забыла повесить сушиться. Когда вспомнила, я была в ужасе. По моей одежде ползали черви...

–Беее....

Я выкинула этот пакет и рассказала об этом случае Кате. Она поделилась тогда со мной своими футболками, но нам не так уж и много вещей положили с собой, наводнением унесло практически всё. Мы ждали родителей. Каждый день. Стояли возле ворот, держались за руки и, смотря вдаль, надеялись на то, что к нам приедут.

Приехали! Подумала я, когда мне принесли пакет вещей и кроссовки, которые хоть и были мне великоваты, но они были целыми! Радость и одновременно огорчение раздирало изнутри. Катя смотрела на меня и не понимала.

– Я думала папа с мамой сами ко мне зайдут, они что? Меня не любят? Почему они не пришли? Я их так давно не видела!

И тут Катя не выдержала.

– Не приезжали они. Это девочка с нового сезона попросила отдать тебе, я рассказала, что тебе нечего одеть, а родители не приезжали. Я не думала, что ты так расстроишься, прости меня.

Конечно, я простила сестру, я ведь понимала, что она хотела сделать как лучше. Нас так воспитывали, что у чужих людей брать ничего нельзя. Когда в лагере давали материальную помощь детям, пострадавшим в наводнение в виде предметов и вещей первой необходимости, нам никто ничего не дал. Мы тоже не могли подойти с вопросами «почему?» нам нельзя было. Мы думали, что мы бы выглядели, как попрошайки, а нас бы за это убили родители.

Когда мы уезжали в лагерь, мама была в положении, мы так часто говорили и думали, кто же у нас будет, сестра или братик? Родила ли мама, или родит, когда мы уже приедем? Потом думали, что мама с папой не приезжают из-за того, что родился ребенок, но всё равно каждый вечер, мы продолжали ждать их, стоя возле ворот.

Три месяца в этом лагере казались мне адом. Чего там только не случилось. Мало того, что мы ужасно скучали по дому, выросли за лето со всей своей одежды, у нас возле лагеря, какие-то мужики (козлы) с деревни, изнасиловали девочек из детского дома на берегу реки и убили их. У нас была травма. В день минуты молчания, мне подарили камеру с калейдоскопом. Мне было жалко девочек, и получить в этот день подарок от лагеря, не было никакого удовольствия. Вопросы, которые были в моей голове и состояние тревожности, давило на меня изнутри. Я видела, как стояла директор лагеря в черных очках, как застыла тишина. За что? Зачем? Почему?

Конечно, нам никто не сказал, что произошло на самом деле, сказали, что девочки вырыли яму возле берега, сами упали туда, и их смыло волной. Бред, не правда ли? Мы потом подслушали разговор вожатых, и стало понятно, почему с нами в сопровождении стали ходить ночью в туалет. Спасало только то, что я не одна, у меня есть Катя, которая всегда рядом со мной и скоро этот ужас закончится.

Хорошее воспоминание из этого лагеря, это было то, что мы с Катей пели вместе с Викторией Дайнеко, которая потом, через несколько лет, стала участницей фабрики звезд, больше хорошего вспоминать, особо нечего.

Глава 2. Родители

К годам двенадцати, я узнала, что у моих мамы и папы разница в возрасте составляла пятнадцать лет. На тот момент у меня эта информация никакой реакции не вызвала. Может я не понимала, что это много или мало и мне было всё равно на то, что нормально это или нет. Я ребенок, меня это не касается, наверное, правильно было бы сказать именно так. Да и я эту разницу никогда не замечала.

Маме было пятнадцать лет, когда она вышла замуж за моего отца, а ему было соответственно тридцать. В шестнадцать лет у мамы появилась Катюшка, которую назвали в честь маминой бабушки. Мама рассказывала, что бабушка Катя была очень добрая, видимо Катюшка, пошла вся в прабабушку. Если сравнивать сейчас молодежь в шестнадцать лет умом и сообразительностью, (не всех конечно под одну гребенку, но в основном) и мою маму, разница лет на пятнадцать и составляет. С нами редко сидели бабушки и дедушки, потому что мамина мама уехала в Москву со своим ухажером и оставила мою маму в чужом городе, совершенно одну. Жаль, что я поздно поняла, как же нелегко ей тогда пришлось. Через год и девять месяцев появилась я, и я просто не представляю, как она справлялась. Раньше воду для купания, для стирки, грели в баках, стирали всё на руках, топили печь. Мама успевала бегать в молочку практически каждый день, потому что своего молока не было. Сейчас в сравнении честно, так противно смотреть на молодежь, которые рожают детей для своих родителей, либо же бросают их, плача о том, что ничего не смогут дать им. А любовь? А заботу? Внимание, в конце концов? Да, безусловно, детей нужно кормить, но жизнь так устроена, если ты захочешь, ты приложишь силы и прокормишь своего ребенка! Себя же чем-то ты кормить собираешься! Я пишу это не голословно, я пишу, отталкиваясь от собственного примера, но об этом опять же позже.

Мама была необыкновенной женщиной. Не смотря на свою женскую слабость и ранимость, стержень у неё явно был, который я уверена, достался мне от неё по наследству.

У отца была слабость. Алкоголь. Всегда была удивлена, как может из обычного человека, получаться такое чудовище после употребления выпивки. Да его словно меняли. Если трезвый он был совсем не разговорчивый, то выпивший он мало того, что много говорил, он делал это на разных языках, изображая из себя все национальности мира. Возможно, часть из них, вообще существующая раса только в его сознании. В таком состоянии он был жесток с мамой. Как бы он не оправдывался после этого, не пытался убеждать нас в том, что он бил маму только ладошкой, это было далеко не так. Мы помнили с Катей все его выходки. Он не один раз пинал маму ногами, а мы в слезах и с испугом кричали, что бы он, её не трогал! Но нам за это здорово влетало. Когда отец успокаивался, мама собиралась сама и собирала нас, а после мы уходили из дома. Она никогда не бросала нас! Для меня это было так важно, но вместе с этим, в будущем на мне это здорово отразилось. Всегда, где бы я не находилась, если меня обижают, я должна уходить.

4 июля, а на следующий день у мамы был день рождения. Я запомнила этот день, словно он был вчера. Отец тогда изрядно выпил и избил маму так, что на свой день рождения, она сидела в бане и плакала, прячась от родственников. Она просила говорить, что её дома нет. «Никогда не выносить сор из избы» – это правило, мы знали, как отче наш, и мама на личном примере показывала нам его. Таких ситуаций было много, но я хорошо запомнила именно этот день, потому что это был мамин день, а она... Она целый день просидела в бане, храня репутацию нашего отца.

Всегда, когда мама плакала, мы плакали вместе с ней. Дети всё чувствуют и всегда любят своих особенно мам, какими бы они не были. Спросите у любого ребенка с детского дома, что

он скажет о своей родной маме? Даже если он её не помнит, он всё равно скажет, что любит её. С отцами же, наверное, всё иначе. У нашего я считаю, не было никогда отцовских чувств. Он всегда говорил о том, какой ОН молодец, о том, что ОН маму приютил когда её бросили, что она приехала с одним чемоданом не имея ничего, о том, что ОН учил её готовить кушать и всегда работал только ОН один, но ведь нас не обманешь. Мама прикрывала его всегда перед родственниками и когда я достала письма двадцатилетней давности, зная всё, что происходило в семье, мама писала только хорошее об отце. В этих письмах было столько нежности и ни капли отчаяния о том, что она с пятнадцати лет посвятила себя детям и мужчине, который не был её достоин. Она не писала про побои, про то, что рано вышла на работу в садик кухработницей, что бы в этот садик могли ходить мы с Катей. Что делал отец в это время?– Менял работу. От одной организации переходил в другую и месяцами сидел дома. Его увольняли за пьянки. Наверное, чувствуется при прочтении моя злость на отца. Есть еще более веские причины мне злиться на него, не только за его скотское отношение к маме, но и за Катюшу, за себя... Я бы хотела забыть, но не могу. Писать и говорить об этом сил я так и не нашла. Часто слышала фразу «прости и отпусти», но нет. Видимо время ещё не пришло, да и не придёт. Я знаю. Рано или поздно, все мы будем отвечать на высшем суде за свои грехи и мне бы хотелось, что бы моё прощение имело в этом деле значимую роль для его дальнейшей судьбы, точнее для его души.

Мамина любовь между нами делилась, и откровенно говоря, мама Катю любила больше чем меня, и это не просто моё обиженное самомнение. Катя была старшей, маминой помощницей, а я, как уже писала, мелкой хулиганкой, которая с улицы приходила с драными штанами, и битыми коленками. Наверное, родители хотели мальчика (смеюсь).

Когда на выходных собирались родственники, нас часто звали на кухню с Катей и устраивали допрос с пристрастием. С кем же мы останемся, когда родители разведутся. Для нас это была травма. Мы любили родителей и свою жизнь по – другому не представляли и не хотели. Как можно думать о том, чего ты искренне не хочешь? Но отвечать было нужно, потому что иначе, наше молчание бы расценивалось, как неуважение к родителям. Да, я уже писала, что в семье так принято было, Катя считалась маминой дочкой, а я... А я, говорила, что буду жить с папой. Думаете, я его так любила? Нет. Всё дело было во мне. Я не любила, когда меня в буквальном смысле тыкали тем, что я должна быть похожа на Катю, что бы вела себя по-другому. Отказалась от лазания по заборам и мелкому хулиганству с мальчишками во дворе, чтобы играла в куклы, а не закапывала автоматы в огороде, для того, чтобы их не увидела мама. Папа защищал меня, это была правда, а с мамой были сложные отношения. Мне всегда казалось, что она меня не любила, и папа не забывал подливать масло в огонь, рассказывая о том, что когда я родилась, я была рыжая и кудрявая. Мама сказала ему, что она не наша и хотела оставить меня в родильном доме. У мамы были сложные роды, спустя двадцать лет, в маминой сумке в которой хранились письма, я нашла её записку из родильного дома, предназначенную для отца. «Привет Валера. Родила девочку, уже с зелеными водами. Пролежала сутки на столе, потеряла много крови. Отправь постельное бельё».

Отец был рад, что я выбирала его, и считал меня своей дочкой, но когда мама уходила от него, она забирала нас с Катей вместе. Мы жили у маминой сестры Юли с её мужем Игорем, она была тогда совсем молодая, но тоже, такая взрослая по уму. Мы с Катей всегда хотели быть похожими на неё. Она была добрая, заботливая и нас любила, как родных дочерей. Мама рассказывала о том, что Юля шла на золотую медаль, но пришлось идти работать на рынок, потому что помогать в этой жизни ей было некому. Рассказывала, как к ней на рынок приходили учителя вместе с директором школы и просили вернуться, но она не могла. Я тогда уже понимала, на сколько, несправедлива жизнь к хорошим людям. Когда Юле было 18 лет, у неё родился сын Коля, который умер, не дожив до двух месяцев... Было ли её тяжело, я узнала позже, когда сама стала взрослой. После этого, Юля уехала жить в другой город, у неё была

обнаружена саркома. Я не просто так пишу о Юли, ведь для меня она сыграла не мало важную роль в жизни.

Глава 3. Наперекосяк

После нашего возвращения из лагеря, жизнь здорово поменялась. Мне тогда было восемь лет, а Катюше десять. С лагеря нас встречали родители с младшей сестренкой, которую назвали Настей, Анастасией. Так символично было, назвать её в год такого природного ненастья (конечно, я про наводнение) и мама всё внимание стала уделять младшей сестре. Настя была маленькая и такая хорошенькая, мы постоянно водились с ней, пели песни, когда укладывали днем спать, читали сказки и стихи, но к маме не ревновали, особенно я. Я ведь уже тогда привыкла, что мама всегда была отдалена от меня.

Приехав в развалины, которые остались после наводнения, мы целыми днями отмывали посуду, которая каким-то образом начала гореть, когда сушилась на улице, и мы с Катей за это здорово получили. Потерять практически всё после наводнения и потерять оставшиеся в огне, было слишком. По возможности, папа спас всё то, что у нас осталось. Вещи, игрушки, мебель. Это был новый, мой любимый дом, который затонул. Папа отстроил его в 99 году после первого наводнения, мне было жаль, что он сошел с фундамента, и мы больше не будем там жить. Ведь в этом доме пахло счастьем, хоть и длилось оно не долго. В этот дом мы переехали осенью, когда начало холодать. У нас с Катей была огромная детская комната, огромный зал и отдельно родительская комната. Когда шла стройка, мы жили в бане и любили с Катей лазить там, пока не видят родители. Этот запах свежего дерева я помню до сих пор и каждый раз удивляюсь, делая выводы о том, что ничто не может так резко вернуть в прошлое, как музыка и запахи.

Уезжая из развалин в новый дом, я плакала. Не могу сказать, что я чувствовала, что всё пойдет наперекосяк, но мне было ужасно грустно и совсем не по себе. Возможно, что это наводнение, или переезд или жизнь с чистого листа, а может и всё сразу, сильно пошатнули отношения в семье между родителями.

Дом дали огромный и места хватало всем. Конечно, мы с Катюшей быстро нашли себе друзей по соседству, и всегда было чем заняться. Катались на санках на собаке, придумали игру «Машины убийцы». Необычная игра конечно. Просто на севере зимой в пять часов уже темно и вся игра заключалась в том, что бы стоя у дороги, увидеть машину и успеть спрятаться в сугробе. Дом находился практически в лесу и рядом четыре дома по соседству, по – этому места для прятков было предостаточно. Еще по зиме, мы находили кусты с замороженной ягодой, которая не успела опасть и вкус замороженной ягоды с ветки, я так же запомнила, думаю на всю жизнь. Тяжело было добираться до школы, потому что далеко и автобус ходил один раз в час.

Как-то стоя на остановке с Катюшей, мы познакомилась с двумя сестрами, которые жили чуть подальше нас на проезде. Разница в возрасте у нас была практически одинаковая с ними, и это было по – своему интересно для нас. Все мы учились в параллельных классах в одной школе, правда гуляли мы редко вместе, потому что жили на расстоянии друг от друга, а их родители, так же как и наши, запрещали покидать двор или отпускали так, чтобы было видно из окна. Мы гуляли по дороге из школы, пока ждали автобус, и нам хватило времени для того, что бы успеть подружиться.

Старшую сестру звали Алиса, а младшую Анжелика и воспитанием мы не сильно от них отличались, а наши разговоры, всегда были с совершенно взрослым взглядом на жизнь, особенно после развода родителей...

Весна на улице, конец учебного года и я такая гордая иду с грамотами о хорошей учебе и благодарностью от школы о моем воспитании для родителей. Это было моё последнее счастливое воспоминание об окончании школы. Идя с таким счастливым лицом, об этом я даже не подозревала. Придя домой, я застала родителей в ругани, отца очередной раз уволили с работы.

– Я подала на развод!

Кричала мама.

– Собирай вещи и уходи жить в гараж!

Продолжала она.

– Это мой дом! Здесь всё моё! И жить я буду, здесь!

Отвечал отец.

Кати дома не было, а значит, для меня не было поддержки. Я зашла в комнату и продолжение разговора не слышала. Опять же правила из воспитания, «никогда не влезать в разговоры родителей и не подслушивать». Я сидела и думала над мамиными словами, серьезно ли она и что будет дальше, если это всё-таки окажется правдой? Ход моих мыслей нарушила мама. Она влетела в комнату, с криками о том, что уезжает в город с Катей, которая уже за это время успела вернуться со школы, а мне спецздание сварить гречневую кашу. Я растерялась, потому что никогда её не готовила. Мама объясняла про какие-то стаканы воды, стаканы гречки, но я не понимала, что такое $\frac{1}{2}$, и спросить я не могла, потому что мама итак была без настроения и я чувствовала, что это пахнет дячком. Промолчала, сделав вид, что я всё поняла, а сама надеялась на то, что разберусь.

Кто умел готовить гречку в девять лет? Наверное, кто угодно, но только не я. Первым делом мама после своего возвращения из города, пошла, проверять, что я там наготовила. Папы дома не было, он ушел вслед за мамой, и я поняла, что сейчас кому-то будет хана. Папы дома нет, заступиться некому, гречка сварена ужасно, однозначно меня сейчас убьют. Открыв кастрюлю и увидев весь этот ужас, я посмотрела на маму, и пол, будто ушел из-под моих ног. Она ударила меня, и я в считанные секунды оказалась лежать на полу с разбитой губой. Подняв меня за грудки, мама прижала меня к стене так, что мои ноги оторвались на метр от пола. Глядя в глаза и прошипев сквозь зубы «зачем я тебя вообще родила?», она отпустила меня, услышав, как в дом зашел отец. Конечно, он видел, что с нами что-то не так, особенно со мной. Я стояла с разбитой губой и глаза наливались слезами, где-то в душе наружу рвалась моя обида, но я держалась, что бы, не давать новый повод для скандала родителям, сегодняшний день итак был не самый лучший.

– Ты что? Опять руки на ребенка распускаешь? Ира, иди сюда. Что у тебя с губой?

– Ничего.

Осталась на месте стоять я.

– Совсем ребенка зашугала! Идите в комнату, нам с мамой нужно поговорить.

Конечно, мы не знали всего разговора, да и нам самим было, что обсудить с Катей. Она очень любила маму, и теперь эти вопросы о том, кто с кем останется, были серьезнее, чем нам казалось раньше. Должны ли были мы принимать решение самостоятельно или за нас уже всё решили? Разделят ли нас или мы будем все вместе с мамой? А если я останусь с папой? Где я тогда буду жить? Вопросов было много, но ответа не было ни одно. Нам оставалось только ждать, надеясь на то, что время всё расставит на свои места. А может родители всё же не станут разводиться? Хотя бы ради нас и ради наших семейных традиций, а их было очень много, и я всегда думала о том, что когда я вырасту, у меня будет такая же большая семья, в которую я внесу эти традиции для памяти.

– А я хорошисткой школу закончила.

Поделилась я хорошей новостью с Катей.

– Ты молодец, я не сомневалась, что может быть иначе. Да и вообще, ты же знаешь, что за тройки тебя бы убили.

– Знаю. А какие оценки у тебя?

– Я так же, как и ты, не разочаровала родителей.

Глава 4. Новая жизнь

Два месяца с момента развода. Отец ушел жить в баню с гаражом и начал обустривать, как жилой дом, перетаскивая из общего дома всё то, что он считал своим, добавляя: «Я это всё детям оставляю».

Теплый, летний день, мы помогли маме убираться в доме, у Кати заболела рука, а мама попросила вынести бак с водой на улицу. Взяв бак с двух сторон за ручки, мы понесли его за дом. Папин гараж находился рядом в одной ограде с домом, и он в это время как раз вышел на улицу, как ни странно абсолютно трезвый, ведь после развода отец довольно сильно загулял. Увидев нас, он предложил свою помощь, и Катя в этот момент, сказала ему про боль в руке.

– Папа, у меня рука болит.

– Давай, я сейчас вынесу бак, зайдешь ко мне, посмотрим.

В то время, когда отец возвращался с пустым баком, на улицу вышла мама, а Катя уже шла за отцом, чтобы показать ему руку.

– Вы куда?

Спросила мама.

– Я к папе зайти.

Ответила Катя.

– Ира, а ты куда?

– Я тоже с Катей к папе пойду.

Отец посмотрел Катину руку и сказал, что похоже на вывих, сказал ей, что бы она взяла у мамы мазь от ушибов и всё пройдет. После этого мы пошли домой. Дверь нам открыла мама и с порога сказала, обращаясь ко мне:

– К папе значит пойдешь? Вот и иди. Завтра собирай все свои вещи, я тебя не держу.

Я молчала. Перечить родителям – запрещено. Я не расценивала мамины слова, как вопрос или предложение, для меня это был приказ. Мама сказала, я должна сделать.

Вечером, ложась спать, я ждала, когда подойдет мама и скажет, что она пошутила, передумала. Мне было страшно. Я не хотела оставаться жить с отцом, он пил.

– Мама передумает, вот увидишь.

Успокаивала меня Катя.

– А если не передумает? Что тогда со мной будет?

– Всё будет хорошо. Вот увидишь. Она не отправит тебя к отцу.

– А почему она это только мне сказала? Ведь к папе мы ходили вместе. Наверное, она и правда меня не любит.

– Любит. Не говори ерунды. Сейчас поспишь, а завтра всё будет так, как было раньше.

– Если мама не скажет, что бы я оставалась, мне придется уйти, как бы я этого не хотела, но и к папе я жить не пойду. Я из дома уйду. Просто возьму и сбегу куда-нибудь.

– Ира, перестань, пожалуйста, всё будет хорошо. Давай спать.

Мама не зашла ко мне вечером, а утром ушла на работу. На душе скребли кошки, я понимала, что мне нужно собирать вещи и уходить к отцу, но я не хотела. Придумав план побега, я убежала до соседской девочки, объяснив перед этим Кате свою позицию. Она не хотела меня отпускать, но и врать ей, я не могла. Она моя сестра, она будет переживать за меня. Добежав до соседской девочки, у которой, как я знала в семье, тоже были нелады, я предложила её уйти вместе.

– Куда мы побежим?

– Я не знаю. Куда-нибудь подальше.

Во мне, конечно, говорила обида. Для меня это выглядело так, что мама решила от меня избавиться, а отцу я не была нужна, ему нужна была только выпивка. Я боялась его в таком состоянии и может это от отчаяния или я не знаю, еще и девочку соседскую за собой потянула. В общем, убежали мы. Не оставив ни какой информации о наших дальнейших планах, да мы и сами не знали, был ли он вообще.

Это был хороший, солнечный день. Первым делом, мы решили подкрепиться. На свежем воздухе, аппетит здорово разыгрывается. Забравшись в чей-то огород, мы нарвали там огурцы, помидоры, нарвались на огромные кусты с малиной и ели так, словно это было в последний раз. А может и правда говорят, что в чужом огороде всё вкуснее. Ели клубнику, смородину, нашли домашние арбузы, смеялись, шутили, были счастливы! Я даже забыла на время обо всём, что со мной произошло за эти дни. Мы сидели на берегу реки и смотрели на лодку, привязанную к арматуре.

- Может, мы её отвяжем и уплывем?
- А если нас посадят? Мы ведь практически её украдем.
- Да, точно посадят. Там ещё и весел нет, так что далеко точно не уплывем.
- Пойдем дальше тогда, чего тут сидеть?
- Пойдем.

Страх, что нам здорово влетит, пришёл ко мне тогда, когда мы добрались до трассы, которая шла в другой город. Стоя на дороге, я начала реветь.

– Хочу домой, хочу к маме. Я так соскучилась по Кате и Насте, а если мы сейчас уйдем и я больше никогда не увижу их?

- Ты хочешь вернуться?
- Да! Я хочу вернуться!
- Ты понимаешь, что нам влетит?
- Да и пусть влетит, так и так уже получим.

Я первый раз в жизни так далеко и одна ушла из дома. Я представляла, что сделает со мной мама, если она об этом узнает. А вдруг она уже дома? Страх оковал меня внутри, особенно тогда, когда подходя к автостанции, я увидела автобус, который ехал домой. Время было вечер, мама должна была возвращаться домой, и тут я увидела её. Она сидела там, в автобусе. Мы не могли сесть в него же, с девочкой, с которой убежали из дома, нас бы увидела моя мама.

- Может, побежим? Я скажу, что гуляла на улице и мама просто меня не видела.
- Ты думаешь, Катя ей не расскажет, что ты ушла из дома? Она не могла бы не сказать.

Я думаю, дома уже все знают.

Молодец, думала я. Сколько же в тебе оптимизма. Я видимо свой растеряла на огороде, на котором мы съели всё, что только можно было.

- Побежали домой?
- Побежали.

Стоя напротив дома я смотрела в окна и гадала, точно ли в автобусе была мама? Если да, то она точно уже знает, что я убежала из дома.

- Чуешь, чем пахнет?
- Спрашивала я саму себя.
- Правильно, гробом.

Тут на улицу вышел папа:

- Ты чего тут стоишь?
- Домой заходить боюсь.
- Почему?

– Мама сказала мне вчера, чтобы я уходила жить к тебе, из-за того, что мы с Катей вчера заходили руку смотрели.

- Пошли тогда, чего стоять тут?

Папа не знал продолжения истории, так же не знал о том, что я целый день провела вдали от дома, пыталась сбежать, угнать лодку без весел, устроила вандализм на чужом огороде, в общем, сделала всё то, за что ещё, находясь в полной семье, меня бы просто убили.

Зайдя домой к отцу, я уселась в кресло, внутри от страха всё переворачивалось до тошноты. Конечно, можно подумать, что это от переизбытка на огороде, да ещё и немывтого, но нет. Это волнение и усталость от неизвестности. Мои мысли нарушил звук входной двери, я сидела к ней спиной и вдруг почувствовала запах маминых духов «Casandra», вжавшись в кресло, я ждала серьезного разговора.

– Ира, ты с отцом остаешься жить?

– Да.

Еле слышно пробормотала я.

Если бы я знала, что это «да» так сильно перевернет мою жизнь, я бы ещё сто раз подумала, а правильный ли это ответ? Может лучше выхватить один раз за сегодняшний побег и жить дальше рядом с мамой и сестренками, но поздно. Я уже ответила.

– Хорошо. Завтра зайдешь за своими вещами. Валера, заберешь её кровать.

Утро. Я спала рядом с отцом на одном диване и проснулась от его храпа. Был выходной день, и я знала, что мама сейчас дома. Насколько же я тогда почувствовала себя одинокой. В голове стоял один вопрос «Зачем? Зачем ты сказала вчера да?» Я начала тихо плакать, чтобы не разбудить отца, но насморк из-за слез и моё шмыганье носом, всё-таки разбудило его.

– Ты чего реवेशь?

– Ничего. Просто скучаю по маме.

– Да ты чего? Всё хорошо у нас будет, заживем ещё! Давай вставать завтракать, да пойдём к матери, вещи твои забирать и кровать.

– Я не хочу кушать, чай только попою.

Аппетита и в правду не было. Я словно начала жить по-другому, и пошло всё наперекосяк. Мне предстояла встреча с мамой, Катей и Настей, а я словно чувствовала себя предателем или чужой, особенно тогда, когда зашла домой к маме. В гостях у неё была подруга Аня, которую я «любила» всей своей душой. Она плохо влияла на маму и так считала не я одна. Подойдя к шкафу, где лежали мои вещи, я стала аккуратно и не торопясь пытаться их упаковывать в пакеты. Мама в другой комнате показывала отцу кровать, которую ему забирать, а ко мне в это время подошла Катя.

– Мама сказала, что нам больше нельзя с тобой общаться. Вот, держи, тут сарафан мама тебе купила, померишь дома, его можно в школу носить.

– Что?

Еле слышно спросила я.

– Сарафан, держи.

Катя отвечала так, словно пыталась уйти от ответа, прекрасно зная, что я имею в виду не сарафан.

– Мама запретила вам со мной общаться? Но почему?

– Я не знаю Ир. Я не знаю, не спрашивай.

Пустота. Внутри, вокруг, сплошная пустота. Ещё два месяца назад, я была счастливым ребенком в полной семье, и в один день потеряла маму и сестер. Меня поразило Катино равнодушие. Мне почему-то тогда показалось, что она рада этим изменениям, что она остается с мамой, а я с папой. Конечно, ключевое слово «показалось» я никогда не поверю в то, что моя старшая сестренка могла от меня отвернуться.

Возвращаясь, домой, я слышала, как папа с мамой ругались.

– Да она будет у меня, как золушка ходить! Вот увидишь!

Кричал отец.

– Да что ты можешь? Всю жизнь на моей шее просидел! Вилки, ложки со мной делит! Давай, иди отсюда!

Дома, то есть в гараже соединенном с баней, папа поставил мне кровать, я стала наводить порядок.

– Доча, я машину продаю. Тебя в школу собирать нужно. Работы нет пока, но я что-нибудь придумаю. Ты не реви, всё наладится.

– Папа, мама запретила общаться Кате и Насте со мной, мне Катя сказала, когда я вещи собирала.

– Да она злая просто сейчас, что ты со мной осталась. Бесится и не знает, как мне больнее сделать.

Больно хочет сделать тебе, а плачу почему-то я. Странный способ отомстить. Вечером папа напился, а меня отпустил гулять. Он видел, что я сильно переживала, и хотел, что бы я по-другому себя чувствовала. Гулять за мной зашли Алиса с Анжелой, мы ушли сидеть на кучу дров и делиться всем, что произошло у нас за это время. Конечно, у меня главной новостью был мой побег из дома, и то, что я теперь живу с отцом.

– Конечно, а мы такие за тобой заходим, и мама твоя говорит, что ты с отцом теперь живешь, как так то? Где ты там спишь? Это же баня с гаражом!

Я рассказала всю историю, начиная с того самого бака, который мы выносили вместе с Катей в тот злополучный вечер. Конечно, девочки были в шоке, но они поддерживали меня.

– Ты не переживай, всё нормально будет. Мне кажется, мама тебя обратно заберет.

– Не заберет. Она даже запретила Кате с Настей общаться со мной.

– Запретила? Да... Видно сильно она на тебя обиделась. Кстати, у тебя мама такая другая стала. Раньше когда с отцом твоим жила, такая серая какая-то была, незаметная, а сейчас, прям расцвела. Красотка такая.

– Да она всегда красивой была, но сейчас она и правда сильно изменилась. Не замкнутая, как раньше, сильная, волевая женщина. Я даже заметила, что когда она идет за километр от дома с остановки, сразу видно, что это она идет.

– Ага, яркая такая и походка от бедра. Ещё голову вверх прямо вообще классно.

– А кто тебя в школу будет собирать?

Спрашивала Анжела.

– Папа машину продал, обещал работу найти.

– Найдет он, конечно. Так и будет развод праздновать.

Тут из дома, где я теперь жила, стали разноситься крики непонятного содержания. Это отец, опять орал разными голосами, показывая миниатюру под названием «я с друзьями, но один». Девчонки, конечно, смеялись, а я готова была разреветься, потому, что мне это ещё, полночи слушать. Хотя чего это я? Каких полночи? Однозначно до утра.

– Папа, прекрати! Я даже телевизор не слышу! Время ночь, хватит орать, надо спать ложиться!

Внятного ответа я никогда не получала, отец просто врубал музыку по громче, чтобы меня не было слышно и продолжал устраивать показуху для мамы, что он счастлив и у него всё отлично. Именно тогда, в эти моменты я стала закрываться от всех. Уходила спать на крышу, укрываясь старой маминной шубой. Если раньше все свои проблемы, мысли, переживания я всегда обсуждала с сестрой перед сном, то сейчас у меня не было этой возможности и тот факт, что мама запретила нам общаться, давил на меня со всех сторон. Я стала чувствовать себя одинокой, а глядя с крыши на мамыны окна, ещё и ненужной.

Лето на удивление показалось мне долгим, да и вообще, раньше всегда время тянулось гораздо дольше, чем сейчас. Скоро первое сентября, думала я... Прощай начальная школа и здравствуй пятый класс. Катя говорила, что мы будем учиться всегда в разных кабинетах и на втором этаже, зато теперь мы будем с Катей видаться в школе и общаться чаще. Я даже где-

то внутри почувствовала, что я подросла, меня ждут старшие классы. Надо папе говорить, что бы в школу собирал, пока не прогулял всё!

– Пап, а пап... Скоро в школу, линейка первого сентября. А в чем я пойду?

– Купим что-нибудь, не переживай. Я ведь машину продал, деньги есть. Вот сегодня и поедем! Что там тебе еще нужно? Тетрадки? Ручки?

– Да. И на каждый предмет отдельная тетрадь, потому что Катя сказала, что предметов будет много новых, и писать мы будем много.

– Ааааа... Ну если Катя сказала, то конечно. Давай тогда кушать и собираться.

Папа за лето, так и не нашел себе работу, а я начала в календаре отмечать дни, когда папа пил. Зачеркивая день в календаре, я сказала вслух

– Одиннадцать.

– Что одиннадцать?

Спросил папа, придя домой с ларька с бутылкой пива.

– Одиннадцатый день ты пьешь.

– Что? А ты кто такая мои дни считать? Пью я, или не пью? Захочу бабу приведу, захочу с девочками здесь сидеть буду! В чём вопрос?

Я стояла и молчала, папа был выпивший, а я уже писала, что я его всегда побаивалась в таком состоянии, но тогда были рядом и мама и Катя, а сейчас... Я стою одна, он на меня кричит, а вдруг ударит?

– На! Я тебе тут чипсы купил. Иди, собирайся!

Когда мы выходили из дома, по мне было видно, что я расстроена, мама была на улице и ступеньки к дому, который находился на фундаменте, находились достаточно высоко, что бы я могла её видеть.

– Куда пошли сосед?

Так мама начала называть папу после развода. Особо остро он на это не реагировал, просто делал вид, что его всё устраивает. Может, конечно, он был просто рад, что хотя бы так, но мама с ним общается.

– Привет Лена! Иринку в школу собирать!

Да, маму мою звали Елена. Когда они разговаривали с отцом, я не смотрела на неё, а наоборот ушла из поля обзора.

– Ну, давай, собирай.

В тот год, папа собирал меня по акции «мне вообще всё равно, если это не дорого» и была ещё одна «да здравствует распродажа». Ходить с выпившим отцом по рынку, то ещё удовольствие. Вот если бы не школьные принадлежности, я бы подумала, что в школу идёт папа. Он всегда был таким, говорил: «Если я работаю, значит, имею право покупать себе всё то, что мне нравится». С одной стороны он конечно прав, но когда у тебя ребенок идет в школу, я думаю в первую очередь нужно думать об этом? Нет?

Глава 5. Сумасшедший год

Первое, первое сентября, когда я пришла на него совершенно одна, без родителей. Папа на эти мероприятия вообще никогда не ходил, но мама... Мама, конечно, пошла, только с Катей, Настя на тот момент пошла уже в садик, откуда всегда забирала её Катя, потом уже Катя рассказала мне, как ей это нелегко давалось. Настя у нас всегда была с особым характером. Мы с Катей хорошенько получали за неё от родителей, и в её правила воспитания не входило «ябедничать нельзя», поэтому Настя довольно умело этим пользовалась.

Находясь на линейке в школьном дворе, я увидела своих одноклассников, которые достаточно подросли за лето. Не то, чтобы до неузнаваемости, но весьма заметно. Никто из одноклассников не знал о том, что мои родители развелись, и я особо не хотела об этом говорить, ведь кого это касается? Моя ведь семья. Мама видела меня на линейке, но просто прошла мимо и не поздоровалась. Это была первая наша встреча, без приветствия. Потерянные чувства, которые я до сих пор не могу описать словами. Стоя в толпе народа, без цветов, хотя всегда было принято ходить с ними, я просто не видела там себя. Мне казалось это всё длинным затянувшимся кошмарным сновидением, хотелось убежать на крышу, укрыться маминой шубой и сидеть пока этот сон не закончится.

Гуляя на улице в выходные дни, я услышала крик из дома, где теперь жила, отец сильно кричал, а потом разбили стекла.

– Что там происходит?

– Я не знаю, пошли, посмотрим!

Подходя к дому, я увидела, как муж тетя Ани, которую я очень «любила» стоит и шатается, а изо рта у него идет кровь. Осмотрев его ещё раз, что бы понять, что с ним произошло, я увидела на его футболке кровь, которая уже не сочилась, а бежала с него. Конечно, скорую помощь вызвали, и его удалось спасти, но приезды полиции и эти разборки, а ещё лицо этого мужчины, прям как в фильме ужасов, хорошо отложилось в моей памяти. Потом, как выяснилось, он пришел к моему отцу выяснять отношения, а отец ему не стал открывать двери, тогда тот разбил окно. Папа не выдержал, схватил нож и порезал этого мужика. Таких подобных историй было очень много. Драки были всегда, когда папа гулял со своими друзьями, а я в это время, спала в другой комнате. Ну, как спала... Лежала и просила Бога о том, что бы папа лег спать, потому что мне с утра вставать в школу. Самое интересное, что тогда я даже не задавала себе вопрос, почему мама не приходит, не спрашивает, как у меня дела, как в школе, делаю ли я вообще уроки, что я ем и где я сплю, ничего... Я так скучала по маме... Однажды я нашла её фотографию, вырезала её лицо и повесила вместе с крестиком на веревочке. Ходила, смотрела на неё, и мне казалось, что она сейчас рядом и любит меня. Может я, тогда сошла сума? Я не знаю! Но то, как сильно мне её не хватало, и, правда, сводило меня сума.

Было обидно, когда ночью, папа обнаружил меня на крыше дома в маминой шубе, ведь вместе со мной, он обнаружил моё тайное место. Я тогда ушла туда ночью, потому что папа опять выпил, орал и громко топал ногами, создавая шум толпы и веселья, а я боялась опять не выспаться, потом сидеть и спать на уроках. Вот, кто по настоящему, сходил сума. Моё качество, которое, преследует меня на протяжении всей жизни, найти оправдание человеку, это моё хобби я бы даже сказала. Вот и здесь так же, да, я злилась на отца за его пьянки, но ведь я не знала, что он чувствовал... Может ему и правда, было настолько плохо, что он выливал всё это в такое представление? Но ведь когда они жили с мамой, он тоже пил, а мама за что-то его любила, и троих детей ему родила... Мне не жалко его, у меня просто к нему чувство сострадания, сейчас, в этот момент. Может в ту ночь, я бы просто замерзла на этой крыше, потому что на улице была зима, а я убежала из дома в майке и трусах. Спас ли он меня тогда? Или

наоборот дал мне возможность умереть, но совсем иначе. Видно у Бога были другие планы на меня. Убить, как человека внутри и дать время снова воскреснуть.

Папа нашел работу сторожем, эта была приятная новость и несколько смен он уже отработал. Уходя в ночную смену, папа показал, как нужно топить печь и когда её нужно закрывать, чтобы не угореть.

В двенадцать лет, я научилась топить печь, готовить кушать, стирать в тазиках, пока папа был на смене. Я была рада, когда он уходил, потому что я могла выспаться, хоть и по ночам было страшновато. До сих пор, дожив до двадцати шести лет, я не выключаю свет в коридоре, если ночью одна.

С Катей, мы общались только в школе, а мои одноклассники не только выросли за лето, но и стали жестокими, не побоюсь этого слова. За то время, я очень в себе закрылась, перестала делать уроки, одевала не всегда не только не новую, но и не самую чистую одежду и с примерной девочки хорошистки, я превратилась в прогульщицу троечницу. Травили ли меня одноклассники? Да. И сейчас я могу сказать, что по жестокости, именно дети стоят на первом месте. У меня не осталось детских обид, потому что мы все тогда были детьми. В природе у животных всё устроено так же: слабых и не похожих на других, всегда давят, а дети жестоки, потому что они искренне не умеют контролировать свои эмоции, всё ведь это приходит с возрастом. Катя часто заступалась за меня в таких ситуациях, потому что ей её одноклассники рассказывали, что видели, как меня шпыняли в коридоре. Когда Катя приходила, все думали, что я хожу стучачить, как принято говорить в таких ситуациях, но нет. Катя пыталась объяснить, что они поступают не правильно, что жить нужно дружно, не пытаюсь кого-то оскорбить при этом. Все эти беседы не приносили положительных результатов, но мне было приятно осознавать, что у меня есть старшая сестра, которой я нужна.

Пока папа не получил зарплату, мы жили на одних макаронах. Какими же они были вкусными, просто обычные макароны, политые растительным маслом. Я ела их прямо из кастрюли, не давая им остыть и слипнуться до конца. Как-то перед таким ужином, папа отправил меня к Кате за хлебом:

– Сходи до сестры, попроси кусочек хлеба, чтобы сытнее было. Матери всё равно дома пока нет.

Как? Как я могу пойти просить хлеба? Я сразу вспомнила историю из лагеря, когда нам нечего было носить, но мы не пошли просить ничего, ни у кого. Как же я сейчас скажу, что мне нужно хлеба? Деваться всё равно было некуда, и, засунув, куда подальше часть своего воспитания и принципов, я пошла, стучаться в когда-то родные двери.

– Привет! Катя, папа меня к тебе за хлебом отправил, можешь дать пару кусочков?

– У нас нет хлеба.

Катя отвечала мне через дверь, потому что помимо того, что нам нельзя было разговаривать, мама запретила Кате открывать мне двери. Я потом как-то из-за этого чуть на собачьей будке не обморозилась. Пришла домой, а замок замерз, ключ не поворачивался. Папа должен был скоро со смены прийти, но запил где-то в городе. Я пыталась разогреть замок, но у меня ничего не вышло, осталась сидеть на будке и ждать, когда придет папа. После того, как моё убежище в шубе было обнаружено, папа выкинул всё оттуда, чтобы я больше туда не лазила и не пряталась. Мне бы сейчас эта шуба пригодилась, думала я. Темнело, я тогда сильно замерзла, бегала периодически на дорогу, чтобы посмотреть, идёт ли папа. У Кати сначала горел свет, я знала, что мама дома, но не заходила, потому что мне нельзя было, потом уже и они легли спать. Из печи так маняще шёл дым, и представляла, как же им сейчас тепло...

Вернувшись, домой без хлеба, папа, конечно же, был не очень доволен. Что-то буркнул вроде того, что плохо просила, и отправил спать, а я давила в себе обиду о том, что Катя не стала открывать мне двери, ведь на улице было холодно, а мамы не было дома. Много было мыслей, например о том, что Катя меня больше не любит и по этой причине так себя ведет,

но потом я вспоминала, как она заступалась за меня в школе, значит, всё-таки Катя просто боится маму.

Папа никогда не проверял у меня уроки, только дневник. Увидев тройки, он не особо ругался, всегда говорил, что это государственная оценка, а вот за двойки, орал так, чтобы мама слышала, как он меня воспитывает, хотя на самом деле, я всегда была уверена, что ему глубоко всё равно.

Вечером, отец, собираясь на смену, хорошо выпил, но это его не остановило для того, чтобы остаться дома и выспаться.

– На посошок

Сказал он и выронил рюмку, которая разбилась на три больших осколка.

– На счастье!

Если бы, на счастье... Ложась спать, я не чувствовала, что может случиться что-то страшное с отцом, я просто легла спать, а утром уехала в школу. Вечером, вернувшись, домой, я обнаружила входную дверь под замком. Интересно, а где папа? Он же должен был со смены отсыпаться. Наверное, в гости ушел к кому-нибудь. Зайдя домой, я поняла, что папы не было дома со вчерашнего вечера, потому что всё лежало точно так же, как тогда, когда я уходила. Пока я пыталась сообразить, где может быть отец, ко мне зашла Катя.

– Ты только не переживай!

И тут я поняла, что сейчас Катя скажет, что-то про папу, и я уже волнуюсь.

– Говори, что-то с папой?

– Звонили с больницы, сказали, что он ночью обморозился на работе.

Всё, это было последнее, что я слышала. Я ещё не успела раздеться, и сразу же пошла к выходу. Где находилась больница, я знала, поэтому без замедления двинулась в ту сторону. Время был вечер, часов семь, автобус тогда находился на перерыве до девяти и я пошла пешком. От прилива адреналина, мне было жарко, не смотря на то, что на улице стоял дикий мороз. Я шла и думала, а если у него ноги ампутируют или руки? Может он вообще умрет? Что с ним и как он? Я уже прошла полкилометра, тут остановилась машина, и мужчина предложил подвезти меня. На улице мороз, ребенок один идет по темноте, я бы тоже остановилась, увидев такую картину. Я села и водитель спрашивал меня, что случилось и куда я еду, я ему сказала, что мне нужно к папе в больницу, и он отвез меня до ближайшего поворота, потому как ехал в другую сторону, а дальше я пошла пешком. Километров пять по дороге, казались мне совершенно незаметными, потому что я не просто шла, я летела к отцу.

Зайдя в приемный покой, я сказала фамилию отца и мне объяснили в какое отделение нужно пройти. «Гнойная хирургия», пост врача находился в середине коридора, и я двинулась туда. Проходя мимо из одной палат, я услышала жуткий, громкий храп. Надо же, так сильно храпеть на всю больницу, подумала я и пошла дальше. Дойдя до медсестры, я объяснила девушке, что где-то здесь лежит мой отец, его должны были привезти ночью, назвала фамилию, и мне сказали номер палаты. Да, это была именно та палата, из которой доносился этот храп, а храпел на всю больницу, мой отец.

Свет в палате не горел, все уже спали и я даже не понимаю, как меня вообще туда пропустили. Что бы понять, где лежит папа, я начала его звать.

– Папа... Папа...

Еле слышно повторяла я, что бы никого не разбудить.

– Доча?

Увидев папу, я подошла к нему и ближе, и начала реветь. Чувство жалости к нему оковало меня изнутри. Я смотрела на его руки, которые были перебинтованы, а бинт был пропитан чем-то желтым. Может это был гной? Может это была мазь... Я не знала, что находится под бинтами. Потом я обратила внимание на папины ноги, они тоже были перебинтованы, и так же из бинта сочилась желтая жидкость.

– Папа... Как так то? Как это случилось?

– Вышел с работы, ключи потерял, не мог дверь открыть, а рядом не было ни кого. Площадка большая, пока дошел к выходу, дальше не помню ничего. Спать захотелось, лег и всё. Женщина какая-то нашла, вызвала скорую помощь.

– Болит, наверное?

– Болит. Завтра врач посмотрит, возможно, что пальцы отрежут.

– Как отрежут?

Я плакала, мне было жалко, что с отцом это приключилось. В такие минуты почему-то не думаешь о хорошем. Я начала рисовать в своей голове ужасные картины, но вовремя себя остановила мыслью о том, что папа жив – это самое главное. Его скоро выпишут думала я, может и он всё переосмыслит пока находится здесь, но как же я... Как же я буду дома одна справляться? Неужели меня заберет мама и всё будет как раньше?

– Я пока здесь, ты будешь жить у тети Оли, моей сестры. Помнишь её?

– Конечно, помню!

Я была рада этой новости! Ведь я поеду жить туда, где живут мои любимые двоюродные сестры и брат. Когда мы с Катюшкой были маленькие, мы часто в выходные дни приходили к ним купаться в ванной, потому что сами жили в частном доме, а зимой в морозы, баню сильно не натопишь. Пока взрослые сидели на кухне, мы играли в комнате. Катюшка, старшая сестра Зины и Димы, не помню, где была, но с нами она не играла. Зина же, была всегда учителем, мы с Катюшей учениками, а Дима директором школы, который сидел у себя в «кабинете» то есть в комнате и играл в приставку. Катя всегда с Зиной находили общий язык, им было интересно вместе, особенно изучать английский язык, а я баловалась на уроках и меня отправляли к директору играть в приставку. Это было самое классное наказание, которое только можно было для меня придумать. С Димой было весело, он самый лучший старший брат.

– Сейчас пойдешь сразу к ним, тетя Оля тебя уже ждет, она знает, что я в больнице, ей сообщили.

– Хорошо. А за учебниками когда?

– Завтра съезди с утра. Привези мне одежды ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.